

Сергей Иванович Злобин

В 70-е годы работал в валютно-экономическом управлении Госбанка СССР, затем были 19 лет службы в полевых учреждениях СССР и России (из них 6 лет в Германии, 3 года в Афганистане, 3 — на Сахалине), возглавлял ревизионную комиссию департамента полевых учреждений Центрального банка России.

Язык не только до Киева, до Вены доведёт

Первый мой рассказ о товарище Игоре Котове. Мы вместе с ним окончили Московский финансовый институт и получили специальность «Экономист по международным экономическим отношениям».

Для того, чтобы поступить в институт на наш факультет в 1964 году, требовалось набрать на пяти экзаменах 23 балла. Игорь успешно сдал четыре экзамена, и ему оставалось не провалить испытание иностранным языком. Однако на экзамен по английскому он не пришёл. Это была его беда, жил он в Химках и постоянно всюду опаздывал. В общем, когда он всё-таки появился в институте, оказалось, что экзаменационная комиссия уже разошлась. Ему выразили сочувствие и предложили прийти в следующем году. Однако абитуриент оказался настырным, стал спрашивать, когда принимают экзамен по французскому языку, ему ответили, что он был вчера. «А по немецкому?» — допрашивал Игорь. Ему ответили, что экзамен завтра.

Пришло время поинтересоваться лаборантке кафедры иностранных языков Лидочке: «А вам что, всё равно какой экзамен сдавать?» Получив утвердительный ответ, дама позвонила заведующей кафедрой Милушиной и рассказала о пришедшем феномене. Та попросила передать трубку Игорю и, зная пять или шесть языков, стала его тестировать. Скоро выяснилось, что он владеет ими лучше.

За всю историю МФИ не было больше случая, чтобы всю кафедру собирали для того, что бы проверить знания одного абитуриента, только претендующего получить знания. Это было сделано в тот же вечер — Милушина лично обзвонила своих коллег.

Полностью проверить Котова им не удалось. Оказалось, все преподаватели кафедры знают меньше языков, чем Игорь. Он знал 12! Удивлённая педагог по испанскому языку задала вопрос: «Как же вы выучили этот язык? Ведь испанские самоучители в СССР давно не издавались». И получила ответ: «По учебнику, изданному в Польше». Этот язык он знал хорошо.

«А не лучше ли вам пойти в филологический институт?» — спросили его. «Я хочу иметь специальность!» — ответил полиглот.

И в дальнейшем он создавал много неудобств кафедре. Лучший преподаватель английского постоянно выгонял его с занятий, так как Игорь поправлял его, делал замечания, указывал, как используется то или иное слово в современном английском языке или в его американском варианте.

Ныне Игорь Евгеньевич Котов председатель правления Sovfracht International Holding AG, главный офис которого расположен в Вене.

Кресло, как инструмент кадровой политики

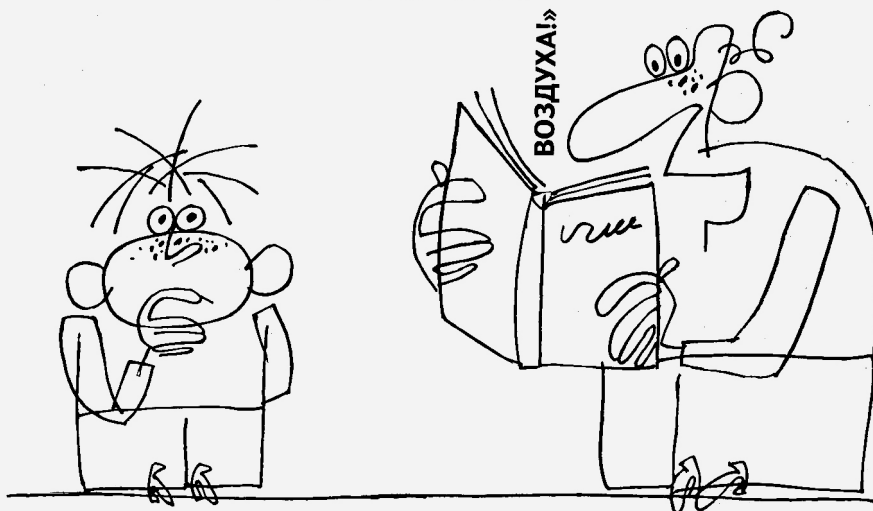
Работал я в самом начале 70-х годов в валютно-экономическом управлении Госбанка СССР. В управлении было принято 1 апреля подшучивать друг над другом. Иногда розыгрыши были не очень гуманные.

Начальником отдела развивающихся стран (мы называли его отделом недоразвитых стран) у нас был Вадим Николаевич Жёлобов, аккуратист невероятный — его огромный стол, обитый зелёным сукном, всегда был чист. И ещё у него был огромный старинный чёрный стул, скорее даже трон, из резного дерева. Никто не знал, где он его достал.

**Преподаватель английского языка
постоянно выгонял его с занятий...**

ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК ЗВУЧИТ ТАК:
«ЛЮДИ ТОНУТ, ПОТОМУ ЧТО ОНИ
НЕ МОГУТ ЖИТЬ БЕЗ

ПЕРЕВОД НЕПРАВИЛЬНЫЙ, ПРОФЕССОР,
ФРАЗА ДОЛЖНА ЗВУЧАТЬ ТАК:
«ЛЮДИ ТОНУТ, ПОТОМУ ЧТО ОНИ
НЕ УМЕЮТ ПЛАВАТЬ

Непотопляемый

Василий Иванович Морсин, возглавлявший управление, занимался до этого отраслевыми финансами. Все, в том числе и он, понимали, что начальник попал к нам случайно. Все, в том числе и он, ждали, когда Василия Ивановича заменят. Начальник ВЭУ даже иностранных языков не знал, но очень боялся, что его попросят освободить место.

Когда в управлении объявляли о проведении собрания, сотрудников просили захватывать с собой стулья — у начальника в кабинете их для всех не хватало. Этим я и воспользовался и 1 апреля часов в 12, когда все коллеги пошли на обед, я сообщил Жёлобову об общем сборе, посоветовав ему поторопиться, так как все уже собрались.

Вадим Николаевич со своим треном ввалился к Морсину, чем вызвал у того предынфарктное состояние. Василий Иванович решил, что смена всё-таки пришла (дело в том, что Жёлобов был в резерве на его должность).

Долго мне не могли простить ту «безобидную» шутку. А В. И. Морсина в 1973 году отправили генеральным директором Донау-банка в Вену.

Нарукавники от Юдашкина

Когда-то я был замначальника полевого учреждения на Сахалине. Командующим нашей армии в этом военном округе тогда был Герой Советского Союза Евгений Васильевич Высоцкий*. Человек он был замечательный, с отличным чувством юмора, закреплённым за пять лет службы в Одесском военном округе.

Героя Евгений Васильевич получил за участие в рейдовых операциях по разгрому бандформирований в Афганистане. Я так же прилетел в Южно-Сахалинск после трёх лет службы в Афгане. Также наши отношения укрепились благодаря ежедневным тренировкам

* Генерал-лейтенант Е. В. Высоцкий с 1989 по 1991 год был командующим общевойсковой армией в Краснознаменном Дальневосточном военном округе. — *Прим. летописца.*

в гарнизонном бассейне — он был кандидатом в мастера по плаванию, а я мастером спорта по ватерполо.

Однажды мне пришлось полететь на остров Итуруп с проверкой — там находился наш дивизионный полевой банк. Структура полевых отделений была следующая: в Хабаровске была контора военного округа, у нас в Южно-Сахалинске — отдел, а на местах — отделения.

Следует заметить, что военные банкиры (как и медики и юристы) занимали промежуточное положение между собственно военными и штатскими. Часто я даже бродил по части в гражданке, о ношении сапог вообще речи не было.

На Курилы я прибыл в военной форме, но в «параллельных» брюках navy, предназначенных для ношения их с ботинками. На мою беду на Итурупе в то же время проходили учения, и я сразу попался на глаза комдиву. Генерал, увидев майора одетого не по уставу, без полевой формы, затрясся от бешенства: «Кто тут смеет в юбке ходить?! Срочно одеть его в сапоги!» Так как мы подчинялись Госбанку СССР, я приказ проигнорировал.

Когда у меня заканчивалась ревизия, на остров прилетел Высоцкий. Обмениваясь приветствиями, я со смехом рассказал, как меня пытались приодеть. Посмеялись, и я вернулся в свою часть. Потом мне рассказывали, что произошло позже.

На разборе «полётов» Евгений Васильевич раздал всем сестрам по серьгам, а закончил своё повествование следующими словами: «А больше всего меня расстроило незнание генералом, командиром дивизии, приказов министра обороны! — При этом комдив, кажется, поседел. — Неужели вы не знаете, что по приказу № 065212 от 15 сентября 1959 года всем банкирам вместо сапог выдают нарукавники?»

Финансовая орнитология

В наших кругах в 90-е годы существовала версия, почему Геращенко сделали крайним после «чёрного вторника» в октябре 1994 года.

Говорят, на него был сильно обижен любимец президента, «лучший» министр обороны П. С. Грачёв...

Начальником Главного управления военного бюджета и финансирования Министерства обороны России в начале 90-х годов был генерал-полковник В. В. Воробьёв. Для полного контроля над финансами, выделяемыми на содержание армии, в те, скажем так, непростые годы (Чечня, вывод войск из Германии и другие денежно-ёмкие операции), Василию Васильевичу хотелось переподчинить себе ещё и полевые учреждения Центрального банка — структуры, через которые проводятся расчёты между всеми воинскими частями и учреждениями. Возможности после этого открылись бы огромные! Активно поддерживал коллегу в этом порыве министр обороны.

И вот однажды, рассказывают, на заседании правительства Геращенко прислал Грачёву записку: «Уважаемый Павел Сергеевич! Давно хотел вам рассказать анекдот. Василий Иванович Чапаев спрашивает: «Товарищи бойцы! Нужны ли птицам деньги?» «Нет, товарищ комдив!» — отвечают они ему. «Тогда вот какое дело, орлы...» — обращается к ним командир. Вот и я хочу сказать, что, пока в Минобороны сидят люди с птичьими фамилиями, все расчёты через полевые учреждения Центробанка останутся в моём ведении. С уважением, В. Геращенко».

Как Геращенко за язык поймали

Как-то в 90-е годы в Центральном банке принялись бороться с семейственностью. Как всегда, здравого смысла в этой кампании не было.

Однажды в моём кабинете раздался звонок, и меня попросили выявить все родственные связи сотрудников департамента полевых учреждений. На это я бодро ответил: «А что время тянуть, списки составлять, я итак помню, записывайте. Механик Геращенко Константин Викторович». На той стороне поперхнулись и больше нам не звонили. Виктор Владимирович Геращенко в тот момент был председателем банка. А Костя до этого служил в десантно-штурмовой бригаде морской пехоты в Заполярье, где до ближайшего населённого пункта было километров 80.

История, о которой я сейчас расскажу, происходила зимой, 23 февраля: пурга, 30 градусов мороза, полярная ночь, построение на плацу в честь праздника, объявляют благодарности. Досталась она и младшему сержанту Геращенко. Получивший в наследство от отца чувство юмора, Константин шепчет соседу: «На что нужна благодарность, лучше бы увольнительную дали!» Заявление услышал командир и объявил: «Всем разойтись, младшему сержанту Геращенко зайти в канцелярию». Там остряк получает приказ об увольнительной на трое суток! Исполнять приказ следовало немедленно. Взял Константин бумагу и растерялся — что делать, куда идти? Транспорта никакого! Вышел он за проходную и стал применять навыки выживания в трудных природных условиях: сделал себе некое подобие иглу (жилища коренных жителей Крайнего Севера). Заночевал в нём, а наутро с опущенной головой вернулся в часть проситься в тёплую казарму.

Так юмор Геращенко натолкнулся на армейский юмор, а он непобедим.